

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ, ВОПЛОЩАЮЩИХ ИДЕЮ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ И БОГОЧЕЛОВЕКА, В ТВОРЧЕСТВЕ Л. СЕМЕНОВА

Как известно, «младший» символизм зародился в предреволюционные годы – время ожидания великих перемен, революции, новой жизни. Предчувствия «младших» символистов окрашиваются в мистические и религиозные тона и зачастую выражаются через Библейскую символику: «И увидел я новое небо и новую землю...» (Откр 21: 1). Особенно выделяли символисты Откровение Иоанна Богослова как текст, в котором слышится мысль о будущем восстановлении всех вещей этого мира в их первоначальной красоте и гармонии богочеловечества. Творцом мифа, положенного в основу мировидения младосимволистов, становится В. Соловьев, поэзия которого так же, как и его философия может быть основой «к пониманию второго поколения русских символистов» [14; 21].

В. Соловьев развивал миф о Душе мира – Вечной женственности: «И явилось на небе великое знамение – жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Откр. 12: 1). Философ верил, что Вечная женственность освободится от объятий хаоса, или, по другой легенде, спустится с неба, куда она вознеслась, и вернется к людям в истинном Божественном виде: «Знайте же: вечная женственность ныне / В теле нетленном на землю идет. / В свете немеркнущем новой богини / Небо слилось с пучиною вод» – писал В. Соловьев [17; 121].

В его трудах идея о Сверхчеловеке получила своеобразную трактовку как идея о Богочеловеке. Подобно Ф. Ницше Вл. Соловьев полагал, что «воплощение Божества не только возможно, но и существенно входит в общий план мироздания», по его мнению «к Богочеловеку направлялась вся история человечества» [16; 165]. Идейным центром «Чтений о Богочеловечестве» Вл. Соловьева является идея Богочеловечности – живого Бога. Откровение божественной истины уже было получено человечеством в Христе – Богочеловеке, миссии, в котором обитает вся полнота Божества телесно. Христос воспринимается философом как слово и мудрость (Логос и София) и он предчувствует его второе явление: «В божественном организме Христа действующее единящее начало, начало, выражающее собою единство безусловно-сущего, очевидно есть Слово, или Логос. Единство второго вида, единство произведенное, в христианской теософии носит название Софии» [16; 115].

Цель статьи состоит в том, чтобы осмыслить особенности функционирования образов, воплощающих идею Вечной женственности и Богочеловека в творчестве Л. Семенова. Посвящение Софии, которым Л. Семенов открывает «Собрание стихотворений», вводит стихи в «контекст

поэзии символизма, берущего начало в философии и поэзии В. Соловьева и представленного ближе всего “Золотом в лазури” А. Белого (1904) и “Стихами о прекрасной Даме”» [15; 467].

Миф, на основе которого создан поэтический мир Л. Семенова, наиболее близок мифу, лежащему в основе «Стихов о Прекрасной Даме». В. Баевский понимает его как «...бесконечное мистическое стремление одного из посвященных в мистическую тайну к мистической женской сути, природе, основе мира» [15; 465]. «Однако, – пишет В. Баевский, – и более заземленная реализация этого инварианта была, по складу его личности, близка Семенову: рыцарь, поборающий зло» [15; 465]. Нам представляется возможным расширить возможность прочтения мифа, положенного в основу творчества Л. Семенова.

В мистическом видении Л. Семенова находят свое отражение и «заземленные» политические и социальные проблемы. Так «рыцарь, поборающий зло» воспринимается как Мессия, «идеальный царь, правящий по воле Бога», после чудесного появления которого в новом мире «установится царство праведности и справедливости появится возможность счастливой жизни без тяжелого труда» [5]. Здесь видится параллель библейскому сюжету Нового завета об ожидании появления Мессии, Христа – Помазанника Божьего который избавит еврейский народ от римлян: «...знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда он придет, то возвестит нам все» (Ин. 4: 25).

А. Блок первый откликнулся на «Собрание стихотворений» рецензией в журнале «Вопросы жизни». Он воспринимал «Собрание стихотворений» как единое произведение. Ему близка цикличная композиция, в которой содержание отдельного стихотворения цикла можно понять только в связи с другими произведениями. «Собрание стихотворений» Л. Семенова состоит из пяти циклов: «Ожидания», «Повесть», «Баллады», «Бунты», «Созерцания». Художественный цикл в «Собрании стихотворений» — это попытка воспроизвести определенный период жизни автора. Название цикла отображает направленность поисков поэта: здесь личность поэта, его жизнь соединяется с творчеством.

Рецензия Блока – это, скорее, отражение чувств, которые сборник породил в душе поэта, с максимальной сосредоточенностью на главных составляющих мифа. Как и впоследствии Н. Поярков, А. Блок с первых строк рецензии выходит на мифологическое прочтение и понимание произведений Л. Семенова: «Стихи Леонида Семенова покоятся на фундаменте мифа» [3; 589]. В рецензии А. Блок указывает на принадлежность поэзии Л. Семенова к символизму. Человек блестящего ума, он видит те яркие грани, которые доступны взору человека, подготовленного к восприятию запредельного. Его текст – это синтез видов искусств: музыки, литературы, живописи, которые раскрывают новые уровни восприятия стихов Л. Семенова. В его поэзии рецензент увидел «обозначающуюся тайну», что-то «выявляющееся,

приближающееся, воплощающееся», «что для выражения своего не находит иных звуков, кроме музыкальных» [3; 589].

В. Баевский отмечает, что цикл «Ожидания» посвящен «предчувствию встречи лирического героя с Софией – Божественной мудростью» [15; 507]. Нам представляется необходимым обозначить в посвящении ожидание Мессии, Царя – чудесного спасителя. А. Блок в рецензии так обозначает многогранность явлений, отраженных в «Собрании стихотворений»: «Леонид Семенов в стихах говорит о том, что такое еще не пришедший мессия, царь с мертвым ликом, царевич, улыбающийся в гробу, “темная скрыня земли”, зачинающей новый посев, сон о белом коне и ослепительном всаднике» [3; 591].

Стихотворение «Вера» - первое, представленное в цикле «Ожидания», подробно рассмотрено В. Баевским. Ученый обращает внимание на омонимию в названии, позволяющую выявить двуплановость прочтения стихотворения. Если «Вера» понимается как «состояние сознания», то здесь предстает «мистический план». В плане «эмпирической реальности» значение связано с женским именем и «стихотворение читается как элегия на смерть женщины, которую герой на рассвете похоронил и надеется воскресить в своих стихах» [15; 507]. Интерпретация ключевых строк стихотворения на языке символизма, проведенная В. Баевским, намечает картину ожидания Софии: «Заря боролась со звездами...» – «Софии не было, но была надежда на ее появление», «...ризою обвил...» – «поклонился Софии», «...для встречи новый сплел венок» - «жду явления Софии и верю в него» [15; 508].

Следующее стихотворение цикла «Мелодия», посвящено поиску лирического героя, его надежде на чудесное появление пророка: «На утренней звезде / у трав мы тихо вопрошали: / скажите, травы, где / пророк без гнева и печали?...» [15; 9]. Лирический герой обращается к мистическим силам природы в надежде на помощь. Пророк предстает как некто несущий людям добро, любовь, счастье: «пророк веселый, полный мощи», «пророк любви, пророк счастливых» [15; 9]. В «Собрании стихотворений» Л. Семенов расположил эти два стихотворения в начале сборника и цикла не случайно. Произведения как бы вводят нас через искания и ожидания лирического героя в полный тайн мир неизвестного, запредельного.

Н. Поярков в книге «Поэты наших дней» (1907) особо выделяет стихотворения «Свеча», «Молитва», «К Мессии», «Вера». «Молитвы и искания Л. Семенова искренни и часто очаровательны», – пишет автор, разглядев в произведениях «мистический налет, искание Бога, жажду озарений», присущих школе «во главе которой стоят Андрей Белый и Ал. Блок» [13; 131]. А. Д. Семенов-Тянь-Шанский – младший брат Л. Семенова, епископ русской православной церкви Владыка Александр Зилонский, собравший основной массив работ поэта, относит ряд стихотворений сборника к тем произведениям Л. Семенова, «которые можно рассматривать как конкретное свидетельство о нем самом», при этом он так же, как и Н. Поярков, называет стихотворение «К

Мессии», наряду с «Верой», «Гимном», «На меже» [15; 507]. Поэт – лирический герой вместе с толпами людей ждут Спасителя, чье явление было предсказано в библейских пророчествах: «Томительна глухая ночь, / но мирно теплятся лампы, / и духа, полного отрады, / забвенью сна не превозмочь. / Мы ждем. Мы рано в храм пришли, / надели белые одежды / и в полночь – мира и надежды / достойно жертвы принесли...». А. Блок писал: «Мессия, и грозный и светлый, бесконечно далек, как отдаленные громовые раскаты; ожидание его требует вечных бдений, белых одежд, цветов и гулких и слепых народных толп» [3; 591]. Данный мотив перекликается с Откровением Св. Иоанна Богослова: «И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца; За это они пребывают ныне пред престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них» (Откр. 7: 14-15). Л. Семенов использует в тексте заглавные буквы для обозначения святого имени: «...ждем с молитвой Жениха...», «...И мы дождемся: Он придет...», «...К Нему навстречу потечем / мы с громким гулом ликования...» [15; 11].

В.С. Баевский описывает три плана прочтения стихотворения «Чудо» [15; 509]. «В бытовом плане стихотворение читается как описание любовной встречи на фоне романтического пейзажа» [15; 509]. В фантастическом плане стихотворение воспринимается как «история встречи человека с русалкой»: «Ты встанешь передо мной бескровная и белая как туман, / откинешь назад свои мягкие, как водоросли, волосы / и, обвив мне шею гибкими и прозрачными руками, / сама холодная, как вода, / прижмешься ко мне с долгим любовным поцелуем» [15; 12]. В мистическом плане «Ты» первой части стихотворения: «Ты будешь молить меня о чуде. / И чудо свершится...» и «барышня» второй его части «Утром скажет барышня в церкви / про инок с белым лицом: / "Отчего он так бледен?"» – воплощения Софии [15; 12]. Встреча героя – инок с Нею – «познание Божественной мудрости мира» [15; 509].

Последователи В. Соловьева не раз обращались к изображению мистического брака в своих произведениях. Для стихотворения «Я, отрок, зажигаю свечи...» (1902) А. Блок берет эпитафию из Нового Завета, который создает атмосферу мистики и чистоты, необходимую для прочтения стихотворения: «Имеющий невесту есть жених; а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха...» (Ин 3: 29). «Падет туманная завеса. / Жених сойдет из алтаря. / И от вершин зубчатых леса / Зажрежит брачная заря» – пишет А. Блок [4; 218]. Л. Семенов изображает таинство мистического брака в стихотворениях «Эпиталама» и «Жених». В. Баевский отмечает сходство в мистическом плане прочтения стихотворений. В рецензии на «Собрание стихотворений» А. Блок говорит о влиянии поэзии Н. Щербины на Л. Семенова [3; 593]. По мнению В. Баевского, предположение А. Блока объясняется «близостью эротических тем, образов и мотивов обоих, поэтов» [15; 510]. В стихотворении Н. Щербины «Просьба художника» (1847) читаем: «Полна невинности, явись ты предо мной,

/ Чтоб не была ничем краса твоя покрыта, / Как вышла некогда богиня Афродита / Из пены волн, блистая наготой» [21]. Героиня стихотворения Л. Семенова «Эпиталама» в ожидании «Его» «прекрасного как дуб» обращается с такими словами: «Тени, тени уйдите смущенные, / я бесстыдна, смела и хмельна! / Прочь одежды пред ним благовонные! / Смелым тайна блаженства дана...» [15; 13]. С нашей точки зрения, в стихотворениях Л. Семенова очевидна переключка с образами Книгой Песен Песней Соломона: «Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью! Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти» (Песн. П. 7: 7-8). Книга Песен Песней Соломона – это «ряд лирико-драматических описаний чувства любви, возникающего между царем и пастушкой» [10; 21]. Отношение пастушки к царю трактуется Христианской церковью как «переживания сердца, рвущегося к небесному Жениху и то теряющего Его, то вновь находящего» [10; 21].

«Видения» – цикл, состоящий из трех стихотворений, которые озаглавлены согласно времени смены караула в Древнем Риме: «Стража первая», «Стража вторая», «Стража третья». В. Баевский говорит о «несомненном влиянии книги Брюсова "Tertia vigilia"(1900)» [15; 511]. Атмосфера таинственности и ожидания «Стражи первой» изображена в белых и красных тонах одежд: «Она, вся в белом с опухалом, / шла мимо нас под покрывалом, / подружки с нею в бледно-алом, / и мальчик в белом перед ней» [15; 15]. «Красно-белая символика царя и царицы (Софии) очень выразительна у Блока и Белого...», – пишет А. Ханзен-Лёве [20; 460].

Стихотворение «Стража вторая» изображает смерть Царя, которая дарит надежду на воскрешение:

Царя несут. Блестит парча.
Теснее в ряд дружина стала.
В руке у каждого свеча.
На взоры спущены забрала.

Идут. Поют. "Царю поем.
Восстань, восстань на брань и суд!
Мы все здесь, верные, кругом.
Ты слышишь? верные зовут!" [15; 15].

«Мертвого царя подьемлет на щиты близкая дружина, зрящая сквозь опущенные забрала. Ожидание воскресения крепче запирает грудь, исторгает движение души, как песню верных» [15; 591]. В стихотворении звучит призыв лирического героя:

"О тише, верные, он спит.
Сомкнуло время бездну с бездной,
и хаос мирно ворожит
над царским прахом пылью звездной.

Но час настанет, встанет царь
и совершит свой суд любовный.
Воссядет отрок на алтарь
для жертвы новой и бескровной"... [15; 16].

«От древности мы получили в наследство священные руны и священные переживания и поняли, чем они говорят, о чем поют. Мы узнали, что *здесь* скрывается узел, связующий нас с правдами религии, народа, истории, указующий страну, куда улетела Дева Астрея» [3; 590]. Образ Астреи, упоминаемый А. Блоком в рецензии, указывает на мистическую сторону творчества Л. Семенова и он же реализует бытовой план, в котором выражается надежда на справедливость. Астрея – богиня справедливости обитала «среди счастливых людей золотого века», но «испорченность людских нравов заставила А. [Астрею – Т.Г.] покинуть землю и вознестись на небо» [11; 118]. «Пало, повержено в прах, благочестье, – и дева Астрея / С влажной от крови земли ушла – из бессмертных последней.» [12; 35]. Этот миф удивительным образом перекликается с упомянутым ранее мифом о Вечной Женственности.

«Третья вигилия – промежуток от полуночи до начала рассвета» [5]. Для символистов это время свершения таинств: «Я, наконец, на третьей страже. / Восток означился, горя, / И обагрила нити пряжи / Кровавым отблеском заря!» – пишет В. Брюсов [6]. «Стража третья» Л. Семенова принадлежит сфере лирических переживаний и мистических предчувствий чуда воскресения: «Мы отойдем, закроем очи; / услышим трепет, шелест, шум... / Свершится тайна таинств ночи: / воскреснем новые без дум» [15; 16].

В стихотворении Царица вручает царю символ Божьего избрания: «Царица выйдет в багрянице, <...> / Нас обведет глубоким взглядом, / молитву верных сотворит. / Священно-медленным обрядом / царю расцветший жезл вручит» [15; 16]. Согласно библейскому мифу расцветший жезл Ааронов подтвердил его право быть главою Левиина: «На другой день вошел Моисей в скинию откровения, и вот, жезл Ааронов, от дома Левина, расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали» (Чис. 17: 8).

В стихотворении «Глас к заутрене» лирический герой Л. Семенова готовится к встрече с «Царицей». В самом названии стихотворения воспевается надежда, поскольку речь идет о ранней церковной службе «Утро, весна – время, когда надежда на встречу наиболее сильна» [1; 49]. Л. Семенов использует в стихотворении ряд имен, символизирующих Вечную Женственность: «Царица», «Дева», «Премудрость», «Жертва»: «Придет полуночная Дева, / Свершит завещанный обряд», «Премудрость, Жертва и Царица, / взгляни на труд у алтаря. / Твои – венок и багряница, / венчай к заутрени Царя!» [15; 18].

«В литературе традиция передается обыкновенно через поколение не от “отца” к “сыну”, а от “деда” к “внуку”, – пишет В. Баевский [1; 34]. Не случайно Блок приводит цитату из романа Достоевского «Бесы». Он видит цепь преемственности: идеи Достоевского о «человеко-божестве», о религиозном

призвании России, принятые В. Соловьевым, получили свое выражение в поэзии Л. Семенова. Произведение «Царевич», по выражению А. Блока, «в мистическом плане представляет собою центр» «Собрания стихотворений», поскольку для него «смерть Царевича неразрывно связана с возрождением жизни» [15; 513]. Л. Семенов говорит о мистическом единении Бога и человека: «Им надо чудо. Чудо было: / просветлена нетленьем плоть. / Благоговейте! С вами сила, / и в плоти отрока Господь!» [15; 18]. Революционная роль Ивана-царевича, которая в романе отводилась Ставрогину, в рецензии А. Блока отводится Л. Семенову и, как известно, он эту роль принимал. Е. Иванов вспоминал: «Издали казался он мне идеально красивым <...> Мечты об Иван-Царевиче (из «Бесов» Достоевского) связывались у меня с ним, когда я еще будучи гимназистом любовался им издали. И действительно, когда я с ним познакомился, то он держал себя так, как будто вызови его судьба играть роль такого Иван-Царевича в «судьбах России», он принял бы вызов» [8].

Также особый интерес представляет приводимая А. Блоком параллель России начала XX в. с Россией Смутного времени, последовавшим после окутанного тайной убийства царевича Дмитрия Ивановича. Легенда о выжившем царевиче, получившая широкое распространение во времена Смуты, жила своей жизнью в памяти народа. А. Блок приводит живописный образ «нестеровского царевича» [3; 589]. Картина Михаила Нестерова «Дмитрий-царевич убиенный» (1899) наполнена мистическим духом. Художнику удалось добиться эффекта: «Душа царевича уже витала среди весенних березок старого Углича», создаваемого старой легендой об «Отроке-мученике». На фоне светлого пейзажа с нежными березами и свежей травой изображен царевич с мертвым, бледным лицом, который, не касаясь луга ногами, парит над землей. Стихи Л. Семенова пробуждают этот образ в воображении А. Блока: «Все так нестрашно и умирительно, как нестеровский царевич, возникший легким видением на весенней травке, возле малых березок: какой-то не окровавленный Димитрий, а маленький царевич Митя, явившийся мужичкам, с легким сердцем зачинающим лиловую весеннюю пашню» [3; 591].

Загадочность и необъяснимость присущи стихотворениям цикла «Баллады», в котором, по мнению А. Блока, заключается «ядро поэзии Леонида Семенова» [3; 592]. Цикл открывается стихотворением «Он». «Каждую весну “в разымчивой неге” шумит и разбухает земля, будто под копытами священных табунов, будто в тяжком ожидании Светлого Освободителя, чье опущенное копьё видела вешая девушка, бормочущая быстрые заклинания, как старый чародей...» – пишет А. Блок, имея ввиду недоговоренность и связь с преданиями, свойственную произведению [3; 592]. «Светлый Освободитель» появляется из сна в свете «вечерних свечей» на белом коне: «Дрожала земля под конями / и капала пена с удил. / Он, светлый, звеня стременами, / копьё перед ней опустил» [15; 28]. Далее в стихотворении «Черные кони», как пишет А. Блок: «мгновенно чудится, что сон обращается в явь» [3; 592]. «Она» обращается к лирическому герою: «Но устали и взмылились кони. / Ты коня

осадила, смеясь, / ты сказала мне: князь, / нам бояться ли рабской погони?» [15; 30].

В стихотворении «Данте» Л. Семенов обращается к опыту предшественника, увековечившего свою возлюбленную Беатриче в поэзии. В. Баевский отмечает, что «миф символистов о Софии – Вечной Женственности – Прекрасной Даме рядом существенных особенностей близок культу Беатриче в творчестве Данте» [15; 517]. Л. Семенов говорит о чистоте возлюбленной лирического героя, воплощенной в образах «голубицы», «юницы», «чистой лилии», «невесты рая»:

Я – целомудрен, чист и свят,
и свято имя – голубицы,
моей возлюбленной юницы,
мои напевы сохраняют [15; 29].

Образ «голубицы» здесь выступает в функции «ортодоксального и еретического символа Святого Духа» [20; 523]. Наряду с «невестой рая» он принадлежит сфере божественного.

Красуйся чистая лилея!
Мой бескорыстен в песнях суд:
тебя века благоговей, –
Невестой рая нарекут! [15; 29].

В «мистическом цветнике» «белая / чистая лилия» – символ целомудрия, святости и чистоты [20; 461]. По мнению А. Ханзен-Лёве, исходным для образа является «созданный Соловьевым по образцу католической Марии-возлюбленной образ “Белой лилии”» [20; 461]. Образ затем получил широкое распространение в работах младосимволистов: «Белой является небесная царица, “белая лилия” в “1-ой симфонии” Белого, равно как “Белая дама” или “Снежная маска” у Блока» [20; 460]. Подобное понимание образа «белой лилии» справедливо для стихотворения без названия, начинающееся словами: «Маша, родимая...», которое было написано в тюрьме между январем и началом мая 1906г. и не вошло в «Собрание стихотворений». В. Баевский отмечает, что «стихотворение извлечено из романа М. Д. Семенова "Жажда"» и «обращено к М.М. Добролюбовой» [15; 526]. «Мария Михайловна Добролюбова, сестра Маша, которая влекла его к революции и к исканию религиозной истины вне стен православной церкви» сыграла громадную роль в жизни Л. Семенова [2; 209]. В стихотворении имеет место обожествление земной женщины, свойственное символистам: «Так, Блок, А. Белый, С. М. Соловьев прозревали в невесте, потом жене Блока Л.Д. Менделеевой-Блок воплощение Вечной Женственности, Софии – мудрости мира» [15; 506]. Л. Семенов обращается к Марии Добролюбовой, наделяя ее символами божественной природы, прославляя ее:

Маша, родимая, <...>
О, лучезарная,
Свет даровавшая,

Лилия чистая,
 Белая лилия, Радость солнца несущая,
 Все оживляющая,
 Смерть побеждающая,
 Слава тебе! [15; 63].

В рецензии А. Блок пишет: «На Семенова оказали влияние: З. Гиппиус, отчасти Щербина («Эпиталама») и, что неожиданно и любопытно, Алексей Толстой («Подражание»)» [3; 593]. В стихотворении «Подражание» влияние очевидно уже с первых строк стихотворения. Лирический герой А. Толстого говорит о божественном призыве на борьбу со злом: «Господь, меня готовя к бою, / Любовь и гнев вложил мне в грудь, / И мне десницею святою / Он указал правдивый путь...» [18]. Мысль о богоизбранности рыцаря была близка Л. Семенову: «Когда неведомый и сильный / Господь призвал меня на брань, / Он мне десницею обильной / дал знамя в трепетную длань» [15; 29]. В стихотворении Господь вручает воину знамя со «священными глаголами» своего Сына и благословляет его на «кровавый бой»: «И Он воззвал: "Мужайся, воин! / Моей победы близок час! / Блажен, кто знамени достоин, / блажен, в ком пыл Мой не угас"!» [15; 30].

На фоне других названий стихотворений цикла заглавия «В лесу» и «В роще» вводят в мир природы. Для нас наибольший интерес представляет стихотворение «В роще». По мнению Е. Фарино, природа выражает «степень наличия или отсутствия жизни», но делает это «в особом, высшем духовном смысле, и сопоставляет друг с другом законы природы с законами человека» [19; 283]. Природа в стихотворении таинственна и безмятежна, «исполнена высшей мудрости» и гармонии в ожидании мистического акта рождения «света», «Бога», «Господина» на земле [19; 285]:

Мы под звездами в дубраве тихо ждали,
 ждали приближения судьбы,
 а над нами важно двигали, качали
 ветви – темные дубы. <...>

Там шептались, нежно жались, к травам травы
 обвивались, обнимали свет,
 свет рождался, и по всем листьям дубравы
 пробуждался шум в ответ. <...>

Бог рождался, Бог являлся нам под сенью
 Дуба, – в росной ложнице земли.
 Мы к Родительнице в рощу, мы к рожденью
 Бога, – сестры, ночью шли.

Он родился, мы младенца повивали,
 пеленали Бога в час родин

и до солнца колыбель его качали,
спал младенец – Господин [15; 34].

Примечательно, что центральным образом в стихотворении является Родительница – «жена, облеченная в солнце» в роли Богоматери: «И родила она младенца мужского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его» (Откр. 12: 5). В подобном ключе следует понимать образ «Царицы» в стихотворении из цикла «Созерцания» «Вечер»: «И к Заступнице – Царице / под вечерний перезвон / богомольцы вереницей / подошли со всех сторон» [15; 50].

Л. Семенов открывает цикл «Бунты» стихотворением «Князь мира», в котором он обращается к легенде, рассказывающей о жизни Богочеловека-Будды и его пути к просветлению. Легенда гласит: молодой царевич, названный отцом Сиддхартха («тот, кто добивается успеха и процветания»), который вырос при дворе царя-отца, окруженный роскошью, согласно предсказаниям придворных мудрецов, должен был стать либо религиозным лидером, либо политическим деятелем [7; 41]. Отец сделал все, чтобы направить сына по второму пути: «Мне мой отец, отец лукавый, / сулил не раз свои миры / и открывал своей державы / неисчислимы дары» [15; 36]. С детства ему были даны все возможные наслаждения, но он покинул царский дворец своего отца, чтобы найти разгадку жизни, поскольку был бодхисатвой – «существом, стремящимся к Просветлению» [7; 27]: «Но сын отверг отца соблазны, / да буду равен я отцу! / Пути отца и сына разны, / но все к единому концу» [15; 36]. «Четыре встречи»: с ослабевшим стариком, человеком, измученным болезнью, похоронной процессией, направляющейся к погребальному костру и странствующим монахом, открыли Сиддхартхе «реальность страданий» и заставили его стать на путь исканий [7; 48]. «Так началось, – пишет В. Топоров, – Великое Отречение, дни и годы скитальческой жизни, тяжких искушений, долгих бесед с мудрецами, умерщвления плоти, мучительных сомнений и поисков» [9; 6]. Выдержав испытания, Сиддхартха подходит к концу своих исканий истины: достигает наивысшего Просветления и становится Буддой:

И я себе в туманной дали
прозрел таинственную власть:
венки терзаний и печали --
мои в ней слава, право, страсть.

Его я выбрал, и ни лира,
ни меч, ни разум, ни багрец
так не пленят мне властно мира,
как мой мистический венец [15; 36].

В стихотворении «мистический венец» символизирует божественную природу, просветление и знание пути избавления от страданий, которое Сиддхартха – Будда несет человечеству: «К нему несметными толпами / всех

стран народы притекут / и перед всеми божествами / его над миром вознесут...» [15; 37]. В стихотворении «Князь мира» Л. Семенов выходит за пределы проблематики христианства и обращается в своих религиозных исканиях к духовному богатству индийской цивилизации, в которой черпали вдохновение несколько поколений символистов: К. Бальмонт, Д. Мережковский, а также и Н. Гумилев.

Словарь имен, используемый Л. Семеновым для образов Вечной Женственности и Богочеловека-Спасителя, обладает высокой степенью выразительности. Образы, воплощающие в поэзии Л. Семенова идею Вечной Женственности («София», «подруга», «барышня», «Солнце», «Царица», «Дева», «Премудрость», «Жертва», «Белая лилия», «голубица», «юница»), созвучны выбору многих «младших» символистов. Образ мистического Царя-Спасителя во многом индивидуален и находит свое выражение в именах: «Мессия», «пророк», «Жених», «Он», «Царь», «отрок», «Вечный», «Господь».

Литература

1. Баевский В.С. История русской литературы XX века: Компендиум. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 448с.: ил. — (Studia philologica).
2. Баевский В.С. Леонид Семенов в историко – литературной ситуации 1900-1910 годов // Русская филология: Ученые записки Т.8 Смоленск: СмолГУ, 2004.С.209-263.
3. Блок А.А. Собрание Сочинений в 8-ми тт. – Москва – Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – Т.5. – 799с.
4. Блок А.А. Собрание Сочинений в 6-ти тт. – Ленинград: «Художественная литература», 1980. – Т.1. – 511с.
5. Большая Энциклопедия Кольера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_colier
6. Брюсов В.Я. Избранные стихотворения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knigosite.ru/library/read/7983>
7. Буаселье Ж. Мудрость Будды. Москва: Аст-Астрель, 2003. – 192с.
8. Гомберг Э. П., Максимов Д. Е. Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/549553.html#T42>
9. Дхаммапада / Под. ред. Ю.Н. Рериха, Вступ. статья, перевод В. Н. Топорова. М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 157с.
10. Краткий библейский справочник // Библия / Под. ред. Б. Геце. – США-Швеция: Русское библейское общество, – 109с.
11. Мифы народов мира. / Гл. ред. С.А. Токарев. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – 671с.

12. Овидий *Метаморфозы*. / Под редакцией С. Апта, М. Гаспарова, и др., вступ. ст. С. Ошерова. – Москва: «Художественная литература», 1977. – 412с.
13. Поярков Н. *Поэты наших дней*. М., 1907. – С. 130-132.
14. *Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти XX века* / сост. И. С. Ежов, Е. И. Шамурин, вступ. ст. В. Полянского. – М.: Амирус, 1991. – 684с.
15. Семенов Л.Д. *Сихотворения. Проза*. / Подготовка издания, примеч., стат. Вадима Баевского. – Москва: Наука (Литературные памятники), 2007. – 578с.
16. Соловьев В.С. *Собрание сочинений: в 10 томах* / Под редакцией С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. – С.-Петербург: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1912 –Т. 3 – 1912. – 440 с.
17. Соловьев В.С. *Стихотворения и шуточные пьесы* / Вступ. Ст., сост., примеч. З.Г. Минц. – Ленинград: Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание / «Советский писатель», 1974. – 348с.
18. Толстой А. К. . *Избранные стихотворения*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kostyor.ru/poetry/poem66.html>
19. Фарино Е. *Введение в литературоведение: Учебное пособие*. Спб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639с.
20. Ханзен-Лёве А. Аге. *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика*. – Санкт Петербург: Академический проект, 2003. – 815с.
21. Щербина Н. Ф. *Просьба художника*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gureevarsb.livejournal.com/9629.html>

Аннотация

В статье предпринимается попытка осмыслить особенности функционирования образов, воплощающих идею Вечной женственности и Богочеловека в творчестве Л. Семенова. Словарь имен, используемый Л. Семеновым для образов Вечной Женственности и Богочеловека-Спасителя, обладает высокой степенью выразительности. Образы, воплощающие в поэзии Л. Семенова идею Вечной Женственности созвучны выбору многих «младших» символистов; образ мистического Царя-Спасителя, в свою очередь, во многом индивидуален и находит свое выражение в именах: «Мессия», «пророк», «Жених», «Он», «Царь», «отрок», «Вечный», «Господь».

Ключевые слова: образ, Вечная Женственность, Богочеловек, «младшие» символисты.

Анотація

У статті розглядаються особливості функціонування образів, що втілюють ідею Вічної Жіночості та Боголюдини у творчості Л. Семенова. Словар імен, які використовує автор для образів Вічної Жіночості та Боголюдини, має високий ступінь виразності. Образи, які втілюють ідею Вічної Жіночості та Боголюдини у поезії Л. Семенова багато в чому співзвучні вибору «молодших» символістів; образ містичного Царя-Визволителя, у свою чергу, здебільше індивідуальний та знаходить своє вираження в іменах: «Месія», «пророк», «Наречений», «Він», «Цар», «отрок», «Вічний», «Господь».

Ключові слова: образ, Вічна Жіночість, Боголюдина, «молодші» символісти.

Summary

The article studies peculiarities of functioning of the characters that embody the idea of Das Ewig-Weibliche and God-man in literary works by L. Semenov. The names used by L. Semenov to convey characters of Das Ewig-Weibliche and God-man are highly expressive and are in keeping with names embraced by representatives of the “young generation” of symbolists. The character of the mystic Tzar – the Saviour is in turn rather individual and is expressed in names of “Messiah”, “prophet”, “Bridegroom”, “He”, “Tzar”, “youth”, “Eternal”, “God”.

Key words: character, Das Ewig-Weibliche, God-man, “young generation” of symbolists.